

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Самутина, О.Н. Запорожец

**СВОЙ СРЕДИ ДРУГИХ:
АНТРОПОЛОГИЯ НОРМЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ЦАРИЦЫНСКОГО ПАРКА**

Препринт WP6/2012/06
Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2012

УДК 316.7
ББК 60.56
С17

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

С 17 **Самутина, Н. В., Запорожец, О. Н.** Свой среди других: антропология нормы в пространстве царьцынского парка: препринт WP6/2012/06 [Текст] / Н. В. Самутина, О. Н. Запорожец ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 36 с. – 150 экз.

В работе анализируются формы нормативного поведения в публичном пространстве. Существенный для современных urban studies вопрос о том, как люди производят пространство в повседневном взаимодействии, дополнен в этом локальном социально-антропологическом исследовании всем комплексом параметров, позволяющих проследить процессы установления и изменения нормы. Так, в центре внимания оказались режимы управления парком, массовые практики посетителей, способы и формы их повседневной коммуникации, микропрактики взаимодействия с целью переопределения предназначения конкретных мест, и т.д. Работа завершается введением в проблему типологии посетителя современного публичного парка и позволяет скорректировать ряд представлений о «массовом пользователе» новых московских публичных пространств.

УДК 316.7
ББК 60.56

Samutina, N., Zaporozhets, O. Being with others: anthropology of norm in Tsaritsyno park : Working paper WP6/2012/06 [Text] / N. Samutina, O. Zaporozhets ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 36 p. – 150 copies. – (in Russian).

The paper analyzes different forms of normative conduct in public space. Important general question about the production of space during everyday interactions broadly discussed in contemporary Urban Studies is complimented in this local anthropological case by different smaller levels of research showing the processes of establishment and changes of norms. Thus, the authors consider official rules and regulations in Tsaritsyno; regular practices of mass visitors; modes of everyday interaction at the park; micropractices of communication aimed to redefine the use and destination of places, and so on. The introduction to the problem of classification of "mass visitor" helps to correct some assumptions about the users of public space in contemporary Moscow.

Самутина Наталья Владимировна – ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ.
Запорожец Оксана Николаевна – ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Самутина Н. В., 2012
© Запорожец О. Н., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Междисциплинарный исследовательский проект «Человек и публичное пространство в современной Москве: исследование культурных трансформаций» был придуман группой преподавателей и студентов Высшей школы экономики в 2009 году¹. Он стал своеобразным ответом на социокультурный эксперимент московских властей, в одночасье, в ходе масштабной реконструкции изменивших визуальный облик и характер функционирования одного из московских парков: музея-заповедника «Царицыно». Несмотря на принципиальную роль, которую московские власти того времени сыграли в этих необратимых переменах, в рамках проекта нас интересовали отнюдь не власти, но главный получатель этого своеобразного подарка – современный человек в публичном пространстве. Случай Царицыно предоставил нам редкую возможность практически с нуля пронаблюдать становление и изменение этого человека в пространстве царицынского парка, а также дополнить ключевые вопросы антропологического исследования другими, близкими по содержанию: о современных версиях понимания «исторического», о значении новых средств (визуальной) коммуникации для переоформления восприятия традиционной среды, о механизмах контроля и противопоставленных им способах коллективного взаимодействия, и т. д. Комплексный взгляд на современное социокультурное пространство Царицыно нашел отражение в коллективной монографии, подготовленной исследовательской группой².

Понимание того, что в контексте проекта об антропологии современного Царицыно без разговора о норме не обойтись, пришло к участникам исследовательской группы достаточно рано. Еще не отзвучал первый поток критических комментариев по поводу реконструкции в целом, еще не смирились с новым режимом существования музея-заповедника хранители других парковых пространств³, но заинтересованному наблюда-

---

¹ Работа выполнена при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», коллективный исследовательский проект «Учитель-ученики» 10-04-0005 «Человек и публичное пространство в современной Москве: исследование культурных трансформаций (на примере Государственного музея-заповедника «Царицыно»)».

² Царицыно: аттракцион с историей. 2013 (в печати).

³ Трудно забыть, как возмущалась одна из петербуржанок на конференции в Царицыно в 2008 году тем, что «у вас люди в парке ходят как птицы», то есть слишком свободно,

телю уже становилось видно, что определенный баланс коллективного использования парка «Царицыно» множественными группами посетителей начинает складываться на пересечении разных интересов и разных способов их выражения. К тому же чем дальше, тем более этот баланс уравнивался, помещая нас как исследователей лицом к лицу с новыми трудностями: необходимо было не только увидеть, из чего норма состоит и на фоне чего она устанавливается. Нам предстояло также осуществить считывание и описание нормы на продолжительном временном отрезке, в ситуации, когда она действительно становится нормой: чем-то обыденным, привычным, незамечаемым.

Мы никогда не сбрасывали со счетов официальные режимы управления парком со стороны администрации: правила посещения парка, запреты и предписания, а также те общие, стремящиеся к невидимости «мягкие» режимы распределения власти, которые описываются исследователями парковых пространств как наиболее характерные для современных парков развлечений, с их массовой публикой и обширными потребительскими практиками⁴. В самом деле, эти режимы, пущенные в ход после реконструкции, установили для паркового пространства Царицыно ряд базовых исходных правил, резко изменивших антропологические параметры этого пространства: массовый посетитель (культурный посетитель музея; восхищенный турист; прогуливающийся фотограф-любитель; сторонник семейного отдыха, и т. д., часто все это в одном лице) сменил в Царицыно посетителя значительно более редкого и «стихийного» (романтика, бродившего по заброшенному месту; любителя выпить в компании; велосипедиста и скалолаза; ролевика)⁵. Первичная «нормализация» пространства, произведенная путем вытеснения всего, что не совпадает с представлениями администрации современного публичного парка о порядке и безопасности, привела к ряду изменений не только в пространственном, но и во временном модусе жизни Царицыно: в обнесенном металлической оградой парке появился вечерний и ночной режим, связанный с функционированием светомузыкального фон-

---

по газонам, под деревьями, в «правильном» парке так не положено – и это на фоне того, что раньше пространство под деревьями и вовсе заросло диким кустарником, уничтожение которого, с другой стороны, критиковали экологи: «профессиональное» представление о норме использования пространства в Царицынском парке никогда не отличалось однородностью.

⁴ См., напр.: *Salvador* 2007.

⁵ Об этом подробнее см.: *Абрамов* 2013 (в печати).

тана, со стабильным освещением дорожек и непрерывным патрулированием парка полицией. Эти же причины привели к колебаниям временных и пространственных переменных: поток посетителей в выходные и праздники и почти пустой парк утром в будни; очереди на фотографирование у наиболее популярных объектов в исторической музейной зоне и тихие уголки на окраинах, где можно на пару часов пристроиться с коляской; полное исключение алкогольных практик для индивидуальных посетителей и ритуальное шампанское у свадебных процессий, в силу своей многочисленности тоже претендующих на статус массовой практики. Наконец, нельзя не заметить, что современное представление «власти» о посетителе является именно современным, то есть учитывает ряд результатов публичных дискуссий и ряд идеологических выборов, ставших достижением последних нескольких десятилетий в мировом контексте. Вход в парк Царицыно был и остается бесплатным для всех, оплата требуется только за посещение музейных пространств или аттракционов, предполагающих эксплуатацию дополнительного оборудования, типа катания на сегвеях или лодках. Парк, как и музей, исключительно хорошо оборудован для людей с ограниченными возможностями. Взаимодействие полиции, в основном состоящей из женщин, с посетителями на контрольно-пропускных пунктах строится по сильно смягченному, по российским меркам, сценарию⁶.

И все же, эти очевидные результаты официальной регламентации не составляют полную картину, не позволяют судить о практическом использовании паркового пространства посетителями, а администрация не может претендовать на статус единственной или даже наиболее авторитетной инстанции, создающей норму. Предсказуемый в русле рассуждений о современном парке, этот тезис достаточно рано оброс для нас множеством ярких и недвусмысленных примеров, начинающихся с серии нарушений официальных правил и заканчивающихся изменением установленных режимов использования парковых пространств и объектов. Так, на протяжении всех пяти лет с момента реконструкции красная деревянная табличка «по газонам и памятникам археологии не ходить», установленная на камнях фундамента одного из разрушенных корпусов баженковского дворца, служит для посетителей излюбленным объектом

---

⁶Это подтверждает не только наблюдение, но и небольшие контрольные эксперименты. Так, летом 2011 года нам удалось оставить на КПП «Орехово» тяжелый рюкзак иностранной гостии, попросив сотрудников полиции присмотреть за ним несколько часов, пока мы показываем ей парк.

фотографирования: дело в том, что удержаться от этого «хождения» совершенно не в силах ни дети, ни девушки или дамы, желающие сфотографироваться на камнях. Запрет выражен максимально жестко: красный цвет таблички, приказной тон – особенно режущий глаз на фоне более современной цивилизованной модальности «спасибо, что не нарушаете», задействованной для табличек, например, в Парке Горького. Но несмотря на это, установившаяся практика использования места предполагает не просто запрещенную игру с камнями для детей и производство фотографии в красивой позе на руинах для взрослых. Она предполагает также ироничное наблюдение ситуации со стороны прохожими, обсуждение ее, фотографирование собственно таблички, под которой чей-то посторонний ребенок строит из исторических камней пирамидку. Она предполагает активную коммуникацию по поводу локальных ситуативных раскладов между знакомыми и посторонними людьми.

Все эти годы, фиксируя постоянство в практике использования конкретного места, мы наблюдали даже не запрет и его нарушение, хотя эти две операции легли в основание переоформления нормы поведения «на руинах и памятниках археологии». Мы наблюдали веер разнонаправленных представлений об этой норме: страх нарушения запрета никуда не делся и проявляет себя как в нервном оглядывании по сторонам в поисках надзирающей полиции, так и в забавных самооправданиях временностью нарушения у многих посетителей («давай, быстрее фотографируй, видишь, тут запрещено стоять») – притом, что на место одних «временных» посетителей на руинах у таблички немедленно заступают другие, столь же «временные», и так весь день. Эти представления о норме на месте же обсуждаются, «примеряются» на других, сводятся в некоторую общую ситуативно приемлемую линию и приводят к воспроизводству одного и того же, устоявшегося, типичного для данного пространства действия, осуществляемого в результате коллективно произведенной практики использования места. Соответственно, по мере понимания этого наше собственное восприятие таблички претерпело радикальные изменения: вместо первоначального огорчения по поводу столь неэффективного и несовременного властного стиля установления нормы мы стали испытывать удовольствие при виде этого своеобразного памятника другой норме – норме, произведенной посетителями.

На протяжении нескольких лет комплексных включенных наблюдений задавая себе вопрос о том, как устроено типичное, обыденное, нормализованное действие (поведение) в пространстве Царицыно, и, таким

образом, пытаясь нащупать параметры антропологической нормы, мы привыкли к «расщеплению обыденности на составляющие». То есть к постоянному поиску ответов на вопрос, чем продиктован тот или иной регулярный выбор людей, на которых мы смотрим, которых подслушиваем, фотографируем, с которыми перебрасываемся словом-другим случайно или, бывает, намеренно. Переброситься словами намеренно удалось в том числе в ходе небольшого качественного опроса (разговор о парке с посетителями, около 30 респондентов, осень 2012 года), результаты которого использованы в тексте в обобщенном виде. Многократно описанная трудность наблюдения обыденности была смягчена для нас серией микроэкспериментов, связанных с нарушением или сдвигом имеющих границы – иногда эти эксперименты были поставлены нами самостоятельно, иногда мы с энтузиазмом наблюдали за стихийными экспериментами, произведенными администрацией Царицыно: к примеру, осенью 2012 года таким экспериментом стало помещение на открытую площадку перед музеем четырех скульптур Родена, к чему мы еще вернемся. Базовая методическая установка на внимание к повседневным практикам использования различных мест парка, на наблюдение коммуникации, на составление визуальной типологии посетителей (в фотографиях) и содержательной типологии (описание различий в поведении, общении, реакциях в ходе освоения парка), позволила сформулировать ряд выводов, которыми мы и хотели бы поделиться в данном тексте.

Выстроенное подобным образом изучение антропологии парка «Царицыно» – это еще и попытка ответить на важные теоретические вопросы, поставленные в городских исследованиях первой половины двухтысячных. Влиятельные манифесты в очередной раз обозначили невозможность и нецелесообразность понимания города как единого целого, представив его как сложную констелляцию отдельных пространств и мест, материальностей, технологий, действий социальных групп и самостоятельных персонажей, проявления институциональных структур⁷. Обращение многих исследователей к изучению отдельных городских пространств и способам их сборки (через связки и разрывы) в сложносоставное городское пространство стало ответом на новые теоретические приоритеты, сопровождаясь созданием языка описания фрагментарного города. Изучение парков с их выраженной спецификой организации территории, особенностями материальности, социальных коммуникаций

---

⁷ Amin, Thrift 2002; Haldrup, Larsen, Urry, Baernholdt 2004.

и прочего, вполне соответствует мейнстриму городских исследований, заново открывающих множественность городских мест. В этом же русле находится ключевое предположение о том, что, несмотря на жесткость изначальных условий организации территории и действующие на ней властные установления, пространство парка окончательно создается только в процессе его использования и регулярного «переопределения» множеством посетителей в соответствии с их интересами, представлениями о должном, мечтами или опасениями⁸.

Вместе с тем стоит заметить, что именно тема нормативности городских пространств в последнее время не относится к числу приоритетов городских исследований. Складывается ощущение, что представление о разнообразном, подвижном и изменчивом городе, утвердившееся в современной урбанистике, сделало разговор о нормах, унифицирующих и стабилизирующих городской опыт, как минимум неинтересным, а как максимум – идеологически вредным, сохраняющим идею «единого города». Несмотря на это, наш кейс, царицынский парк, расположенный на пересечении разных логик производства пространства, изобилующий противоречиями и потенциальными конфликтами, которые непонятным, на первый взгляд, образом увязываются в компромиссную систему норм, потребовал от нас внимания к теме городской нормативности, и на антропологическом, и на пространственном уровне. В обоих случаях – и наблюдая за человеком, использующим пространство, и размышляя о пространстве, произведенном человеком – мы стремились производить анализ микропрактик, ограниченных во времени повторяющихся событий, локальных территорий, и держать, тем не менее, в голове вопрос о том большем, что позволяет всему этому функционировать и наполняет его живым, хотя и не всегда совпадающим с официальным, содержанием: вопрос о норме/нормах и составляющих ее/их логиках.

На уровне производства пространства особенность случая Царицыно: места с историей, многое пережившего ландшафта, объекта разнонаправленных культурных, идеологических, символических прочтений, заключается в изначальной невозможности говорить о единстве⁹. Реконструкция не изменила этого обстоятельства, несмотря на заметную ориентацию на относительно гомогенного массового посетителя и на создание определенной общности стиля оформления как минимум централь-

---

⁸ *De Certeau* 1984.

⁹ См. об этом подробно: *Степанов, Хлевнюк* 2011.

ного участка парка, так называемой «музейной зоны»¹⁰. Пространственное устройство реформированного Царицыно содержало прямые указания на типы особо желаемых посетителей и сценарии использования закрепляемых за ними мест. Центральная часть территории отдавалась на откуп массовому посетителю – туристам и другим охотникам за достопримечательностями и (фото)впечатлениями. Однако даже пространство этой зоны (окрестности Большого дворца) объединяет очень разные объекты с присущими им особыми правилами, в ряде ситуаций конкурирующими, иногда – сосуществующими, иногда – усиливающими друг друга. Различие нормативности может быть замечено и проиллюстрировано на уровне звука – так, в теплое время года в этой зоне одновременно можно услышать голоса экскурсоводов, ведущих группы, звон церковных колоколов, мурлыкающую мелодию «Эммануэль», наигрываемую светомузыкальным фонтаном, и полное заботы, но строгое обращение городской службы спасения на водах, призывающей посетителей не купаться в Царицынских прудах.

Гибкость и способность к изменению, в том числе медленному, но неизбежному изменению во времени, стали отличительными чертами социальной и пространственной нормативности Царицыно. Даже сценарии, рожденные реновацией пространства и достаточно жестко предписывавшие, что, как, где и для кого будет происходить, оказались неоднократно пересмотрены в результате намеренных или спонтанных действий многочисленных посетителей парка. Некоторые из этих изменений наступили практически сразу: так, сплоченные группы пользователей отстаивали свое представление о предназначении части территории. Спортсмены-волейболисты отказались покинуть центральную (музейную) часть парка, несмотря на то, что для них были построены специальные площадки на удаленном от массовых потоков берегу Царицынского пруда¹¹. Другие изменения носят «ползучий» характер: таково, например, продолжающееся расширение детского пространства Царицыно, не ограниченного несколькими специальными площадками и аттракционами: даже в центральной части можно видеть детей, скатывающихся с любых горок и возвышений, кувырком летом или на санках зимой. Такова возобновляющаяся с каждым днем борьба за нарушение ряда уста-

---

¹⁰ О визуальной образности Царицыно и наложении разных образно-стилистических пластов см.: Самутина, Комарова 2011.

¹¹ См. подробное описание этого кейса: Абрамов, Фень 2011.

новленных музейной логикой границ: например, за право фотографироваться с памятником Баженову и Казакову, держа архитекторов за руки. Администрация то обносит памятник оградой, безрезультатно, поскольку посетители ее преодолевают, отодвигая легкое ограждение или обходя его; то бросает эту затею вообще, предоставив памятнику быть тем, чем его видит обычный человек, соотнося со своим сегодняшним повседневным опытом, а именно: аналогом картонных фигурок супергероев у входа в массовый кинотеатр¹². Дети любят использовать постамент памятника для прыжков: зимой прямо в окружающие его сугробы, летом – группами, держась за руки, на траву.

Стоит подчеркнуть, что некоторые изменения такого порядка сопровождаются изрядным недовольством ряда групп, устанавливающих норму, друг другом. Экскурсоводы и хранители парка не скрывают огорчения поведением массового посетителя – хотя для наиболее рефлексивных из наших собеседников была характерна высокая степень понимания того, что сегодня парк и музей без этого посетителя невозможны, в значительной степени на него ориентированы. Хранитель парка И.А. Маркина рассказала в интервью о серии постепенных мер, принимаемых для «нормализации поведения» в Царицыно (например, о попытках привести поведение участников свадебных процессий в какое-то соответствие со статусом Царицыно как музея-заповедника). Экскурсоводы, в целом отчетливо разделяющие в текстах своих экскурсий «историческое пространство» и объекты массовых развлечений, не склонны высказывать критику по поводу ненадлежащего использования последних. Для людей же, не присутствующих в Царицыно постоянно и не наблюдающих жизнь этого места в динамике, скорее характерна охранительно-морализаторская позиция: «Когда я вижу, какое количество народа бывает в парке летом, то удивляюсь, как это пространство можно сохранить. Молодежь самоутверждается, а разрушение – это созидание со знаком минус... Павильон “Миловиды” – ближний к дворцовой зоне – весь разрисован, у сфинксов всегда накрашены губы. Это притом, что везде дежурит милиция. Людям, которые жили рядом с заброшенными памятниками, даже в голову не приходит, что этим можно гордиться, что это делали наши предки, что мы это уже умели. Чего ждать от детей, выросших и воспитанных на развалинах и свалках?...» (из интервью главного архитектора проектов 13-й реставрационной мастерской «Моспроекта-2»

---

¹² См.: Самутина, Комарова 2011.

Ольги Галаничевой, одного из авторов реставрации Царицыно, «Независимой газете»¹³).

Примечательно, что возникшая в этой цитате оценка массового посетителя и его отношения к «историческому наследию» очень близка к оценке деятельности самих реставраторов со стороны наиболее образованной, наиболее заинтересованной в сохранении памятников архитектуры части публики. Мысль о том, что сфинксов у Миловида или разбросанных по парковой зоне античных богинь и нимф работы Александра Бурганова почти ни у какого зрителя не получается воспринимать в качестве истории, которой можно гордиться – а только в качестве современных объектов для фотографирования или поводов для иронии – не приходит в голову реставраторам. Накрашенные ногти богинь служат хотя и преувеличенным, но в целом понятным ответом посетителей на ряд стилистически-изобразительных решений, принятых во время реконструкции и в дискуссиях обычно обозначаемых оценочным «новое». В то же время логика защиты «культурного места» и «культурных ценностей», как и понимание особых правил поведения в парке, вовсе не чужды массовому посетителю Царицыно, не говоря уже об отдельных группах, выступающих подчеркнутыми носителями этой логики (культурные туристы, пожилые люди, и т.д.). К этому сюжету мы еще вернемся.

Развернутым примером того, как коллективно приемлемое сочетание пространственной и антропологической нормы устанавливается на пересечении исторической пространственной логики, логики управления современным публичным парком и разнообразных стратегий поведения групп посетителей, может быть контраст двух открытых пространств, разделенных достроенным Большим дворцом. Большой дворец с самого начала реконструкции мыслился как символический центр, архитектурная и стилистическая доминанта обновленной музейной зоны (чем вряд ли могла бы стать руина, если бы ее удалось сохранить – вероятно, акценты в этом случае были бы расставлены иначе). Исторически сложилось так, что по обе стороны современного дворца располагаются широкие открытые пространства. Перед дворцом в ходе реконструкции был сформирован парадный партер, замощенный плиткой: мало кто из посетителей, приходящих в парк со стороны метро «Царицыно», минует эту зону, и уж точно ее не минует никто из приходящих в Царицыно впервые.

---

¹³ Независимая газета. 2010. 19 февраля.

Зона перед дворцом, ограниченная по периметру рядом небольших баженовских построек, с точки зрения градостроительных аналогий представляет собой центральную площадь, и в целом так и используется, и администрацией, и посетителями. На ней проходит большинство открытых торжественных мероприятий, устанавливается сцена в дни города. Здесь начинаются экскурсии, а коммерческие отделы Царицыно в хорошую погоду предлагают посетителям фотосъемку в исторических костюмах. Внимание людей неизменно привлекают макеты баженовского и казаковского Царицыно: одновременно и наглядный историко-культурный материал, и аттракцион-развлечение – такие макеты можно увидеть на площадях многих европейских городов. Движение большинства посетителей по партеру размеренно, побежавшего ребенка здесь могут окрикнуть родители. Ритм и рисунок движения определяются, во-первых, логикой фотографирования: рядовой посетитель стремится обязательно захватить в объектив и выигрышные кадры дворца, и расположенную напротив церковь (часто «на ладошке»), и обозначить свое присутствие на фоне этого впечатляющего места. Во-вторых, значение имеет само пространство площади, его объем и границы. Мало кто уходит с площади быстро, не осмотревшись как следует, не сделав широкий полукруг: по целенаправленному «сквозному» движению проще всего вычислить сотрудников Царицыно и жителей окрестных районов, не стремящихся задержаться в парадной зоне.

Массовый посетитель и посетитель-турист обычно прибывают на площадь хорошо одетыми¹⁴, их жесты и телесное поведение отражают представление о нахождении в «красивом, культурном» месте, они «показывают себя» в ритме размеренного движения, без каких-либо значимых остановок, за исключением остановок для производства фотографии. При этом, как нередко бывает на оживленной площади, люди не очень держат дистанцию: они могут сгрудиться возле интересного объекта (макета), стоят в очереди на фотографирование из особо удачной точки или, в дни города или в Ночь музеев, в длинной очереди в музей. Остановившийся на площади перед дворцом человек рискует быстро стать адресатом вопросов о том, как тут все устроено, о маршрутах и т.д. – даже если он не имеет таблички сотрудника. По собственной воле подошедшая к нам на площади во время опроса осенью 2012 года девушка, эффектная красот-

---

¹⁴ Это требование массового посетителя к себе становится особенно заметным в дни праздников, хотя и демонстрирует с годами тенденцию к снижению.

ка на высоких каблуках, в ярком платье и с молчаливым молодым человеком позади, произвела в этом смысле весь набор нормативных действий, расспросив нас как предполагаемых носителей культурного знания о Царицыно о реставрации, маршрутах (где вход в музей, что здесь вообще стоит посмотреть, и т.д.), и завершив диалог пространственным рассуждением о том, что здесь теперь «не хуже, чем в Венеции», и «нам тоже есть, что показать иностранцам». Однако в целом вопросы, шутки и вообще гораздо более активную коммуникацию между посторонними людьми порождают «проблемные зоны» на окраинах парадного партера: те самые «руины и памятники археологии», по которым запрещено, но так хочется ходить, и неоднозначный памятник Баженову и Казакову.

В этом обобщенном описании, пространном для статьи, но таком кратком для нескольких лет наблюдения за повседневной жизнью парка, собраны основные параметры, выделенные нами для анализа антропологии нормы в публичном пространстве парка «Царицыно». Это, во-первых, устройство самого места: вписанность его в доступные дифференциации контексты и культурные логики, как установленные исторически, так и сформированные режимами управления и повседневного использования (например, такими, как массовое фотографирование); это восприятие посетителями его стилистических и культурных особенностей, оказывающее влияние на отношение к месту и поведение в нем. Во-вторых, это коммуникативные практики, складывающиеся в конкретном месте по различным причинам и демонстрирующие границы желательного и возможного в отношениях между конкретными людьми и группами людей. В-третьих, это нормы «представления себя другим в повседневной жизни» – в таком пространстве, как парк, здесь на первый план неизбежно выходят одежда и телесное поведение посетителей, включающее скорость и характер движения.

По большинству этих параметров пространство за Большим дворцом выдает противоположную или, во всяком случае, сильно отличающуюся картину. В историческом раскладе большая круглая поляна призвана была выполнять роль садовой лужайки, места для коллективных игр – и эту роль она продолжает выполнять сегодня, пройдя через все изменения советского и реставрационного времени. Несмотря на близость Большого дворца, на проходящие по дорожкам вокруг поляны экскурсии и установленные щиты с маршрутами и правилами, наконец, на самую центральность и открытость этого места, круглая поляна предстает оазисом расслабленного поведения. Люди сидят и лежат на траве летом, лепят сне-

говиков зимой; люди располагаются на поляне в произвольном порядке, с соблюдением большой дистанции между компаниями. Нередко отдыхающие задерживаются на поляне надолго, как на пляже или речном берегу, их одежда отличается более свободным и спортивным покроем. По периметру поляны установлены лавочки, привлекающие посетителей старшего возраста. Многие из них бывают в Царицыно регулярно, многие приезжают для этого издалека (география приезда пожилых людей в Царицыно поразила нас в ходе опроса: среди мест фигурировали не только отдаленные районы Москвы, но и ближнее Подмосковье), и почти все находят комфортным этот режим «наблюдения за жизнью» слегка со стороны, как и обсуждение его между собой, с такими же, как они. Фотографирование на поляне, разумеется, тоже распространено, но здесь оно носит значительно более неформальный, дурашливый характер. Даже фотосессии в костюмах здесь оборачиваются частной игрой. Так, летом 2012 года мы наблюдали фотосессию девичника: группка хохочущих барышень в розовых балетных пачках толкалась у подножия сосны, пытаясь уместиться в объектив залезшего на дерево фотографа.

Поляна регулярно дает пристанище большим группам и компаниям, приходящим участвовать в танцах или коллективных играх. Наше включенное наблюдение за деятельностью клуба бретонских танцев позволяет подчеркнуть несколько важных моментов. Во-первых, административный режим контроля на поляне действительно предельно ослаблен, это место осмыслено и функционирует как свободное, «для всех», и выгодно отличается этим не только от ряда зон самого царицынского парка, но и от ряда московских городских публичных пространств – соотносясь, опять же, с публичными пространствами европейских городов, где стихийные танцы и групповые игры давно стали повседневной нормой. Для танцев на царицынской поляне босиком, для приглашения собственной музыкальной группы и вовлечения в хороводы всех желающих не требуется никакого разрешения, за это не делают замечаний, и, по словам руководителя клуба бретонских танцев, с поляны их ни разу за несколько лет не пытались прогнать. Во-вторых, нормы поведения, задаваемые самими участниками действия, образцово демократичны. Приходя в Царицыно сплоченной группой, в подходящей для танцев одежде, будучи хорошо знакомы друг с другом, члены клуба очень открыты для общения и с радостью привлекают к танцам окружающих людей, отвечают на их вопросы. Летом 2012 года мы на протяжении нескольких часов наблюдали разрушение социальных границ, вызванное деятельностью клу-

ба бретонских танцев: не только люди среднего возраста стеклись со всей поляны к центру, слушали музыку, любовались на танцующих и принимали участие в хороводе. Но и пожилые посетители, среди которых было несколько бабушек с палочками, а также мужчина в инвалидной коляске, подтянулись к самому центру события и начали общаться с молодыми танцорами. Круги участвующих, наблюдающих, фотографирующих, разговаривающих в какой-то момент полностью перемешались.

Наблюдая за этим стихийным бретонским праздником на екатерининской лужайке и за жизнью поляны в целом, мы в очередной раз задумались о том, что, возможно, не историческое наследие, не редкие уголки общения с природой в душном мегаполисе, и уж конечно не несколько современных аттракционов – а установившиеся нормативные правила коммуникации в ряде мест Царицыно представляют собой главную ценность в сегодняшнем парке.

2

Разворачивающееся в пространстве Царицыно общение и взаимодействие посетителей в подавляющем большинстве случаев не подлежат жесткой регуляции, что соответствует общей логике организации коммуникации в современном (западном) городе. Более полувека назад, описывая принципы, определяющие поведение горожан в публичных пространствах, И. Гоффман обращал внимание на сочетание формальных предписаний, поддерживаемых социальными институтами и другими структурами, и спонтанно возникающих конвенций, на страже которых стоят городские сообщества, отдельные участники взаимодействий, а также самоконтроль: «Безусловно, есть легальные ограничения определенных действий... Но, в основном, сила, определяющая коммуникативное пространство нашего общества... – это страх показаться слишком настойчивым и навязчивым, или странным, страх подтолкнуть отношения, нежелательные для другой стороны, страх, в конце концов, быть демонстративно отвергнутым или даже обиженным»¹⁵. Взаимодействие в городе, таким образом, регулируется скорее ситуативными, подвижны-

---

¹⁵ Goffman 1963. P. 140.

ми конвенциями, разделяемыми и поддерживаемыми горожанами в ходе коммуникации, чем фиксированным набором норм-универсалий.

Автоматическое применение идеи о нежесткой конвенциональной регуляции городской коммуникации выглядит несколько искусственно без уточнений, связанных со спецификой российского (бывшего советского) города. Затянувшийся более чем на десятилетие кризис городских общественных пространств 1990-х стал дополнительной причиной ослабления и без того крайне хрупких навыков общения с чужаками в позднесоветском городе. Открывшиеся границы, принеся с собой возможность путешествовать и сравнивать, обнажили дефицит в постсоветском публичном пространстве «западной» нормы городского «легкого» публичного общения: дистанцированного, поверхностного, кратковременного, эмоционально сдержанного и вместе с тем предельно доброжелательного¹⁶. Среди причин долгого отсутствия конвенций «легкой коммуникации» в советском городе можно назвать, во-первых, неосвоенность городского этикета вчерашними сельскими жителями или обитателями городских слобод, автоматически переносившими на улицы мегаполиса правила близкого общения в небольших городках (что проявляется в том числе и в особых «родственных» формах обращения: «сынوك», «бабуля», «мамаша»). Во-вторых, жесткость и интенсивность контроля городских публичных пространств «профессионалами мест» и общественностью, не только патрулировавшими территорию, но и замыкавшими на себя общение, потенциально способное разворачиваться как взаимодействие горожан. Здесь же стоит упомянуть готовые проявиться в любой момент недоверие и подозрительность «советского простого человека», завязанные уже не только на пространство, но на всю антропологическую конструкцию общества¹⁷. Безусловно, интенсивность общения горожан определялась не только общим «усредненным» контекстом, но и спецификой городских мест, и общим состоянием публичной культуры конкретного города¹⁸. Но в целом пространства интенсивной коммуникации в позднем советском городе – это в первую очередь пространства «своих» и

---

¹⁶ Историк античного пространства *Г.С. Кнабе*, несколько раз оказавшись на Западе в 1990-е годы, был, судя по всему, по-человечески поражен этой нормой и концептуализировал ее как «европейскую учтивость», компенсаторный механизм современной буржуазной цивилизации. См.: *Кнабе* 2006. С. 1127.

¹⁷ См.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. 1993.

¹⁸ См., напр.: *Дариева* 2011.

«близких других»: подъезды, дворы, небольшие локальные забегаловки или кафе¹⁹. Отдельно стоит упомянуть ситуативно возникающие «сообщества очередей» – невероятно массовые, определявшие и физический, и символический ландшафт советских городов, но отнюдь не служащие образцом вежливо-дистанцированной коммуникации²⁰.

Раздробленность городского пространства на рубеже веков постепенно сменялась новыми сцепками: возникала инфраструктура, меняющая не только визуальный облик современных российских городов, но и саму логику взаимодействия горожан. Возникшие впервые торгово-развлекательные центры, новые пешеходные пространства, обновленные пространства массового соприсутствия, такие, как кинотеатры, создавали особые условия для общения, образуя стихийные лаборатории городской коммуникации. Торговые центры с середины двухтысячных стали одним из наиболее популярных городских мест, не в последнюю очередь благодаря предложению столь дефицитного в городе комфортного и защищенного пространства общения/соприсутствия. Однако, при ближайшем рассмотрении, общение как товар, предлагаемый к продаже, обнаружило массу недостатков, и прежде всего, – жесткий контроль пространства, сложность его переформатирования, приспособления к интересам пользователей, несмотря на их многочисленные уловки²¹. Бум «свободных», «общих», «третьих» пространств, переживаемый современным российским мегаполисом, – результат стремления горожан общаться за пределами строгих установлений и требований культуры потребления, самостоятельно создавать правила. Одной из находок второй половины двухтысячных становится открытие возможностей обновленных парков как коммуникативных площадок, на которых горожане учатся быть вместе.

Пойти в Царицыно означает оказаться в «людном месте» в буквальном смысле этого слова. Пространство парка, заполненное посетителями, делает встречу и физическое соприсутствие с другими неизбежным. Соприсутствие в данном случае не метафора. Во многих ситуациях это физически ощущаемая близость другого человека, во время плотного движения в потоке посетителей по центральным дорожкам или импровизированных «собраний» возле достопримечательностей и аттракционов. Отчасти напоминающее многолюдные московские бульвары в буд-

---

¹⁹ См.: *Zdravomyslova*; Нильсен 2004; *Bushnell* 1990.

²⁰ См.: *Осокина* 2005; *Николаев* 2005.

²¹ См. критику пространств потребления с точки зрения создаваемой ими иллюзии общения, в: *Бауман* 2008; *Паченков* 2012.

ние дни, но значительно более расслабленное и медленное, движение по пространству Царицыно задает определенную логику коммуникации. Царицыно – зона относительной неспешности, всей своей организацией выпадающая из логики городского скоростного движения²². Удивительно, но здесь мало тех, кто по ходу нарушает общую хореографию, обгоняя, спеша, расталкивая. Общая неспешность ритма открыла прекрасные возможности как для легкого общения, так и для интенсивных визуальных контактов – глядывания, рассматривания движущихся или стоящих рядом²³.

Особая сценография царицынского парка усиливает видимость. Масштабные открытые пространства и особенности холмистого ландшафта создают возможность наблюдать за другими во всем многообразии их занятий. И все же славы современного городского паноптикума Царицыно удастся избежать. Причиной тому не только фрагментированность пространства парка, но и смекалка посетителей, постоянно изобретающих новые способы манипуляции видимостью. Места в стороне от основных дорог, укрытые деревьями или отделенные расстоянием от наиболее людных маршрутов, позволяют на время скрыться и от любопытствующих взглядов прогуливающих, и от бдительного ока службы безопасности. Искусство «невидимости» – важный навык посетителей, перестраивающих массовые открытые пространства. Особое место в нашей коллекции случаев занимает превращение одного из самых открытых мест Царицыно, партера, простирающегося от КПП «Царицыно» до фонтана, в приватно-романтическое пространство – «места для поцелуев». Расположенный непосредственно возле главного входа и открывающий вид на основные достопримечательности нового Царицыно: фонтан и Большой дворец, партер представляет собой каскад террас, заполненных лавочками и клумбами. Будучи полностью открытым взгляду входящего, он в то же время оказался одной из наиболее невидимых зон, быстро освоенных влюбленными. Находящиеся на солнцепеке, ничем не защищенные лавочки не привлекательны ни для кого, кроме парочек. Они быстро сообразили, что взгляды входящих направлены далеко вперед, а невысокие, но ощутимые спинки скамеек могут быть использова-

---

²² Особый ритм движения в Царицыно делает его не только доступным, но и комфортным для групп горожан, чья скорость передвижения не совпадает с городским потоком – пожилых людей, детей, инвалидов.

²³ О важности ритма движения для установления коммуникации и ее форм см.: Conley 2012.

ны как надежное укрытие от немногих любопытствующих. Секрет открылся случайно, когда одна из нас, нарушив пространственно заложенные траектории взгляда, обернулась назад и увидела весьма обжитое и активно используемое место.

Колоссальный потенциал такого места, как Царицыно, для становления новой московской городской современности, для переоформления восприятия человеком других во всем многообразии их жестов, поступков и прав, особенно заметен в контрастном сравнении критических высказываний интернет-пользователей и наблюдений за действительным поведением посетителей в пространстве парка. Идеологии «верните старое Царицыно и уберите эти жуткие толпы народа отсюда»²⁴ оказались противопоставлены два работающих фактора: принятие присутствия других как данности (права на место, права на соучастие в установлении нормы поведения) и как образа (в сложном сочетании нерасчлененного образа «людей, таких же, как ты, в потоке которых ты пребываешь» и гораздо более дифференцированной оптики наблюдателя за «другими, отличными от тебя»).

Возможность быть среди людей, наблюдать за многообразным течением жизни рождает важное ощущение «со-присутствия». Пространственная близость к другим переводится из обыденности в желаемое, наделяется ценностью. Переформатирование соприсутствия в «со-присутствие» происходит, когда оно становится сознательным выбором, удовольствием от практики, разделенной с посторонними, ощущением нахождения в гуще жизни. В этом случае поток «видимых других» зачастую нерасчленим. Он оборачивается не конкретными лицами или событиями, не социальными классификациями, но именно ощущением интенсивности разворачивающейся на глазах жизни. Достоинства «со-присутствия» меняют восприятие многолюдности. Толчея и хаотичность начинают восприниматься либо как искомая полнота жизни, либо как усиленная плата за столь желаемый опыт. «Какое замечательное место, сколько людей, все гуляют, как будто праздник» – одна из самых типичных обобщенных реакций посетителей, опрошенных нами в парке Царицыно на предмет их восприятия места.

Однако любопытство и заинтересованность в «видимых других» – также часть привлекательности Царицыно, превращающая его в одну из

---

²⁴ См.: Самутина, Комарова 2011.

действующих городских сцен²⁵. Городская сцена – пространство интенсивной визуальной коммуникации, где люди смотрят и показывают себя, где вглядывание и любопытство – часть неписаных правил места. И. Гоффман называет подобный тип коммуникации «нефокусированным взаимодействием» (*unfocused interaction*). Это ситуация, когда «человек получает информацию о другом, глядя на него в тот короткий миг, когда он проходит мимо»²⁶.

Абстрактное разделение «наблюдатель – наблюдаемый» мало что скажет о практиках коммуникации в Царицыно. Постоянная смена ролей, их нередкая коллективность, делают необходимым постоянное уточнение, о ком, собственно, идет речь. Коллективный посетитель, он же коллективный наблюдатель, зритель и актер в большом обновленном кино-театре – одна из особенностей Царицыно, да и в целом организации современной российской социальной жизни. Совместные «выходы в свет» – с друзьями, семьей, коллегами – наиболее распространенный вариант посещения публичных пространств. Это демонстрация совместной идентичности, групповой принадлежности, объясняемая и всем коллективным укладом социальной жизни в России, и формирующимися классовыми нормами, подчеркивающими роль отдельных объединений, например – семьи. Наблюдатель заинтересован в других для обретения темы разговора, во-первых, поддерживающей эмоцию и аффект, и, во-вторых, еще более усиливающей существующую связь между «своими». Подслушанные разговоры позволяют почувствовать роль, отводимую другим в проявлении коллективной близости. Из разговора трех женщин, в «свадебный день» прогуливающихся у Царицынских прудов (говорится негромко, чтобы не услышали новобрачные): «Нет, ну, девочки, ну, как же так? Все невесты – красавицы! А откуда же женихи такие берутся?!» – далее следует красочное описание внешности новобрачных, горячо разделенное всеми участницами беседы.

Коллективный посетитель в публичном пространстве парка во многих ситуациях более легитимен, что проявляется как минимум в комфортности самоощущения, в большей легкости установления контактов²⁷.

---

²⁵ *Blum* 2003.

²⁶ *Goffman* 1963. P. 24.

²⁷ Даже мы, как включенные наблюдатели, в какой-то момент интуитивно начали отправляться в поле вдвоем. И речь шла не только об удобстве наблюдения и его фиксации. С нами охотнее общались другие, мы вызывали меньше изначальной настороженности, потому что следовали неписаным законам места.

Но хотя одиночка чаще может вызвать беспокойство у окружающих и сам чувствует себя менее удобно, в повседневных классификациях посетителей парка есть те, чье одиночество понимаемо и допустимо – это, прежде всего, пожилые люди. Кроме того, одиночка, видимо и демонстративно занятый делом: читающий книгу, ловящий рыбу, выгуливающий контрабандно пронесенную собачку, – также расценивается как безопасный для по-прежнему преобладающей коллективности. Вместе с тем наши многочисленные наблюдения показывают, что парк может быть одним из важных мест проявления и нормализации городского одиночества, превращаясь из места, где «знакомые встречают незнакомых», так же и в классическое место «встречи незнакомцев». Включение одиночек в общую коммуникацию становится возможным во многом благодаря особому статусу *видения* в парках: нормализации наблюдения или фотографирования как особого занятия. В этом случае роль заинтересованного наблюдателя расценивается как более важная, обнаруживающая совместные интересы, или даже полезная – к одинокому человеку нередко обращаются с просьбой сделать фотографии или стать «санкционированным наблюдателем».

Разделенный опыт наблюдателей периодически переходит в беседу. Наиболее типичный повод для общения в Царицыно – совместное фотографирование и разглядывание «интересностей». Значимость объекта нередко устанавливается интерактивно, определяясь не столько его априорной ценностью, сколько вниманием к нему других посетителей. «Люди привлекают людей»²⁸ – принцип, давно подмеченный урбанистами, абсолютно подтверждался в ходе наших наблюдений. Достаточно было одному человеку застыть в наблюдении за белкой на дереве или гусями у пруда, как возле него быстро образовывалась группка «сочувствующих», наблюдающих и за ним, и за белкой, и за прирастающими зрителями, обменивающихся комментариями о «живой природе». Опосредованная коммуникация, столь часто наблюдаемая нами в Царицыно, не является чем-то уникальным для мегаполиса. Исследователи относят детей и домашних животных к числу проверенных городских «посредников»²⁹. Отличие Царицыно заключается в постоянном умножении предметов разговора, непрекращающемся потоке мелких локальных «интересностей», пригодных для обсуждения между посторонними (девушка под-

---

²⁸ См.: *White* 1980.

²⁹ См.: *Трубина* 2011.

брасывает осенние листья в воздух, проехала полицейская машина, невеста сбросила шубку и фотографируется на морозе в легком платье, и т.д.). Прислушиваясь к разговорам или иницилируя их, мы редко сталкивались с переходом беседы на более личный уровень. Общение в парке, как правило, это общение в ситуации «здесь и теперь» и о событиях, происходящих «здесь и теперь», в большинстве случаев не предполагающее выход за пределы наблюдаемого. Оно кратковременно, как быстрое течение сами события, как ограничены по времени и нерегулярны визиты в парк многих посетителей Царицыно. Более плотная и личная коммуникация выдает завсегдатаев парка, объединенных общими интересами и занятиями или маршрутами для прогулок. Их период «приглядывания» друг к другу остался далеко позади.

Безличность опосредованного общения накладывает негласный запрет на разговоры, сокращающие дистанцию. Замечания, упреки, адресованные незнакомцам, – редкий случай в обыденном пространстве Царицыно. Те немногие замечания, которые мы слышали в повседневной, нормативно установленной среде, как правило, не оценивали напрямую действия конкретных людей, а содержали указание на некоторую общую ситуацию, как это было в случае пожилого человека, настигнутого двух курящих на ходу подружек со словами: «Раньше-то женщины не курили, а вот сейчас, вот как!». В целом именно пониженная конфликтность и «мягкость» – наиболее важная характеристика нормативной парковой коммуникации, отличающая ее от сложившихся норм поведения в публичном пространстве современной Москвы. «Мягкой» в данном случае можно назвать и саму коммуникацию, допускающую множество вариантов неконфликтного взаимодействия, и механизмы социального контроля с их безличным увещанием, и тональность общения – как правило, негромкую, не мешающую окружающим. Фотографирование – одно из основных занятий прогуливающих – даже в самый людный день не подразумевает борьбу за наиболее привлекательные позиции съемки. Люди терпеливо ждут других, иногда образуя очередь, уступают место, всем своим видом демонстрируя спокойствие и доброжелательность. Подобная участливость – часть общей атмосферы Царицыно, внимательности людей к присутствующим рядом, и, в какой-то степени, ответственности за происходящее.

Постоянное наблюдение за размеренной неконфликтной повседневной жизнью парка мы дополнили рядом экспериментов, направленных на нарушение привычных границ. Это позволило вскрыть источники ба-

зовых норм, задействованных в коммуникации посетителей между собой и, более широко, в основных правилах использования пространства в Царицыно. Опишем коротко два показательных примера – дополнительное измерение им придает принадлежность к «музейной зоне» парка, к пространству, где нормативное историческое и культурное прочтение места четко обозначено администрацией как требование и всегда учитывается посетителями как возможность.

Первый эксперимент состоялся зимой 2011 года, во время новогодних праздников. Участники исследовательской группы намеревались заняться лепкой снеговика на круглой поляне, вместе с другими посетителями Царицыно, но в выбранный день снег оказался недостаточно мокрым. Большую яркую морковку, принесенную для снеговика, мы шутя положили в руку памятнику Казакову, уловив момент, когда вокруг памятника никого не было, и стали незаметно снимать происходящее на видео.

Реакции посетителей на это нарушение четко раскладывались на несколько типичных линий поведения. Во-первых, незамечание: в соответствии с доминирующим принципом современного цифрового фотографирования, не предполагающим зачастую ничего, кроме беглого взгляда на объект, перед тем, как быть на фоне этого объекта запечатленным, несколько семей сфотографировались на фоне Баженова и Казакова с морковкой, вовсе не обратив на нее внимания. Одна из женщин строго велела своему ребенку поправить шапку, чтобы смотреться на фотографии (с незамеченной морковкой) более пристойно. Во-вторых, ситуативный юмор и принятие правил анонимной игры: в какой-то момент морковку стали замечать, шутить по ее поводу между собой, призывать посторонних в свидетели чьего-то дурачества и намеренно фотографироваться с ней, пытаясь при этом потереть, как нередко поступают в публичном пространстве с частями памятников. В-третьих, самоодергивание, неуверенность поведения, вызванная видимым сомнением по поводу границ допустимого в данном месте и случае. Ярче всего эту линию продемонстрировал мальчик-школьник, бывший в парке с родителями. Едва завидев морковку, он бросился к ней, крича: «Морковка, ура!» – попытался схватить, но вдруг замедлил действия, вернул морковку на место и побежал обратно к родителям со смущенным «чё-то я боюсь». Наконец, четвертая линия поведения, недвусмысленно транслирующая представление об официальной норме, положила конец эксперименту. Женщина лет пятидесяти, обычная посетительница, находившаяся в парке с подругой того же возраста, самолично взяла на себя функцию блюститель-

ницы порядка: она уверенно подошла к памятнику, вынула морковку, отнесла ее в сторону и затоптала в снег.

Подобные микроситуации, регулярно формирующиеся на территории Царицыно и без всякого специального вмешательства исследователей, строятся на ситуативном противостоянии разных логик понимания пространства, разных систем авторитетов, разных источников удовольствия. В соответствии с общим пониженным фоном конфликтности они завершаются обычно без скандала, самоисчерпываясь или подчинившись какой-то из наиболее активных, устраняющих «непорядок» норм. Существенным нам кажется то, что в каждой из таких ситуаций возможно наблюдать стихийное формирование микросообщества «легкого нарушения правил» – наиболее многочисленного, раскрепощенного и берущего на себя коллективную ответственность за небольшой беспорядок, не причиняющий серьезного зла. В оппозиции такому стихийному микросообществу чаще всего оказываются страх/сомнение «как бы чего не вышло» (нередко все равно совмещенный с нарушением и сопровождающийся оглядкой через плечо, не маячит ли там представитель власти), а также административно-карательная культурно-ценностная функция, очень часто возлагаемая посетителями (тут вернее было бы сказать, пожилыми посетительницами, носительницами прежней советской нормы поведения) на себя.

О том, насколько подобное ситуативное соотнесение друг с другом разных поведенческих норм адекватно ситуативно же сложившемуся, никогда не определенному до конца состоянию практически любого места в Царицыно, можно судить по другому кейсу. Осенью 2012 года на небольшом пятачке перед парадным входом в Большой дворец, закрытым для рядовых посетителей, были выставлены четыре бронзовые отливки крупных скульптур Родена (выставка более мелких работ проходила внутри музея). Это место перед входом, несмотря на предельную близость к дворцу и музею, остается все же частью парка под открытым небом; нормы поведения в нем всегда были свободнее, чем в музее, использовалось оно в основном для фотографирования, как свадебного, так и обычного туристического. Появление скульптур Родена создало претензию на вывод этого пространства из такого статуса. Сотрудники музея даже дополнительно озаботились табличкой, регламентирующей надлежащее обращение с объектами: «Уважаемые посетители! Благодарим Вас за бережное отношение к произведениям искусства и напоминаем

Вам, что в музеях трогать скульптуры руками и взбираться на подиумы не разрешается».

Но ни табличка, ни высокий культурный статус Родена, известный большинству посетителей, не подняли фотографическую площадку до музея. В условиях отсутствия какой-либо дополнительной информации не только о Родене, но даже о тематике скульптур («Граждане Кале» явно представляли собой неразрешимую загадку для большинства), в условиях пребывания в режиме автоматического фотографирования всего «красивого» и «необычного», массовый посетитель легко вписал работы Родена в привычный ряд аттракционов царицынского парка. «Водяные, хочу к водяным!» – закричал мальчик, завидев плащи «Граждан Кале» цвета морской волны. «Встань возле водяных и не кривляйся», – сурово изрекла его мать, наставив на отпрыска фотоаппарат. На протяжении всей выставки Родена посетители только и делали, что трогали скульптуры руками, залезали на подиумы, опробовали на себе немногочисленные возможные позы фотографирования (прильнуть к юноше и девушке в «Поцелуе», спародировать позу «Мыслителя», примкнуть к «Гражданам Кале», ухватив их за пальцы). Апофеозом креативного поведения в «микросообществе нарушения правил» стали такие эпизоды, как, например, надевание «Мыслителю» на голову венка из осенних листьев. Веселая женщина лет сорока пяти, совершившая этот жест, с задорной, но все же немного смущенной улыбкой, была полностью вознаграждена поддержкой окружающих: стихийное сообщество нарушителей расхохоталось и начало стремительно фотографировать «Мыслителя» в венке, а потом еще просить венки у его обладательницы для собственной фотографии. Редкие возмущенные замечания старших посетительниц, отпускаемые в пространство («для кого тут табличку повесили, неужели никто не видит»; «разве так можно, вы еще на голову ему залезьте»), при этом либо полностью игнорировались, либо встречались ироничными отповедями разной степени удачности со стороны более молодых людей.

Надо ли говорить, в контексте всего вышеописанного, что объяснение поведения этих людей «варварством» или необразованностью предельно далеко, с нашей точки зрения, от понимания и его причин, и возможных последствий. В процессе реновации практически все пространство Царицыно было перепроизведено как гигантский массовый «аттракцион с историей», и упрекать пользователей аттракциона в том, что они следуют базовым правилам его эксплуатации, возможно было бы разве что с очень

ангажированной позиции. Однако продолжительные наблюдения за вовлеченными участниками действия позволили заметить другую сторону общего развития «массового человека» в Царицыно. Ослабление внешнего контроля, неартикулированность или постепенное размывание императивной нормативности – как на уровне широкой картины массовой повседневной коммуникации в пространстве парка в целом, так и на уровне повторяющихся микроситуаций, вскрывающих разные возможные логики поведения, – сопровождаются готовностью посетителей Царицыно принимать самостоятельные решения и договариваться в различных ситуациях. Марк Оже, описывая логику городской нормативности, подчеркивал возможность «эффекта эхо»³⁰ – переноса правил или конвенций из одного пространства в другое. В этом смысле случай публичного пространства парка Царицыно интересен еще и возможностью производства навыков общения и компромиссов, способных стать стартовой точкой для изменения городской коммуникативной культуры.

3

Разговор о «норме» применительно к посетителям парка Царицыно неправильно было бы завершить, совсем не коснувшись вопросов типологии. Однако типология обитателей такого пространства представляет непреодолимую трудность, и, возможно, в самой этой трудности кроется ключ к пониманию существенного. «Борхесовская энциклопедия», наш неизменный ориентир в путешествии по царицынскому парку, остается не только ироничным свидетельством тщетности попыток постичь «божественную схему мира», но и напоминанием о том, что какие-то различия (между животными, «принадлежащими Императору», «разбившими цветочную вазу» и «нарисованными тончайшей кистью из верблюжьей шерсти») мы все же способны и обязаны видеть³¹. Это напоминание в разговоре о Царицыно требуется прежде всего в качестве дополнения и противовеса к двум часто применяемым в подобных случаях генерализирующим механизмам: категориям «среднего класса» и «массового посетителя».

---

³⁰ *Auge* 1995.

³¹ *Борхес* 1989.

Пытаясь описать пеструю толпу в западных парках, множество зарубежных исследователей характеризуют эти перформативные пространства современных городов как арену, успешно присваиваемую или уже присвоенную средним классом, проявляющую классовые ценности, производящую процедуры вытеснения, и т.д.³² В ходе исследовательского проекта, сравнивая Царицыно до и после реконструкции, мы и сами многократно зафиксировали, в разных проекциях и по разным поводам, качественное различие между старыми и новыми способами производства этого пространства, между имеющимися ранее и трансформированными в середине двухтысячных возможностями обретения в этом пространстве временного «смысла существования». Сегодняшний «обобщенный посетитель» действительно в первую очередь обретает этот смысл как участник и/или наблюдатель массового исторического аттракциона, массового фотографического аттракциона, а также аттракциона всеобщего «интенсивного перформанса» на одной из действующих городских сцен. Однако следующим аналитическим шагом на пути к этому посетителю должен быть перевод внимания на многообразие культурных презентаций, разворачивающихся в пространстве Царицыно: на значимые различия в поведенческих практиках, способах использования мест, внешнем виде и вариантах представления себя другим, соотношения себя с другими, и т. д.

Некоторые, наименее удачные, генерализирующие схемы разбиваются об это многообразие сразу и очевидным образом: таков «московский средний класс», представленный в Царицыно сотнями пенсионеров на скамеечках или вереницей туристов из бывших советских республик. Другие вынуждены серьезно коррелировать с очевидностью этого разнообразия, наработанного или проявленного за годы функционирования парка, и требующего к социальной ткани конкретного места пристального внимания. Сегодняшняя «норма» Царицыно включает в себя и романтические парочки, круглый год съезжающиеся со всей столицы для разыгрывания на парковой сцене своей персональной истории³³, и толпу москвичей из окрестных домов, вышедших урожайной осенью 2010 года собрать в царицынском овраге дикие яблоки на варенье. И людей, доби-

---

³² См., напр.: *Zukin 1996; Low, Talpin, Scheld 2005.*

³³ Не можем не обратить внимание на юмористическую проблематизацию этой нормы, встреченную на одном из интернет-форумов: «у нас уже был секс. а сегодня он меня позвал в Царицыно гулять. смысл? зачем гулять в парке?»: <http://otvet.mail.ru/question/57356139/>.

рающихся до парка разодетыми раз в году на День города, и посетителей церкви Иконы Божьей Матери «Живоносный источник», проходящих одетыми особым образом в любой воскресный день. Обобщенная норма опирается уже на слишком большое число различий, чтобы их можно было оставить без внимания – и различия эти пролегают чаще всего за пределами грубых социологических схем, давая карты в руки скорее микроаналитику и антропологу. Между «бабушками в шляпках» и «пенсиянками в удобной одежде» в Царицыно есть достаточно заметная разница. Включение ее в предполагаемые основания нормативной типологии, конечно, несколько уподобляет нас борхесовскому китайскому классификатору. Однако невключение привело бы к потере существенного знания об этом месте и о том, что, собственно, является предметом нашего исследования: о человеке в пространстве царицынского парка. В этом смысле нам близка идея И. Гоффмана, заявлявшего с долей иронии, что даже «вольный спекулятивный подход к фундаментальным вопросам человеческого поведения лучше, чем последовательная (в контексте рассуждения имеется в виду – научная. – Н.С., О.З.) к ним слепота»³⁴.

«Обычный человек в пространстве Царицыно», таким образом, это «красотки на каблуках»; «люди в прогулочной одежде»; «бабушки в шляпках»; «парочки»; «одинокие мужчины»; «мужчины в компаниях»; «москвички с подружками»; «пенсионеры»; «прогуливающиеся мигранты»; «иностранцы»; «родители с детьми»; «группы молодых людей»; «приезжие на экскурсиях» – и это если еще не касаться ролей и действий, закрепленных за конкретными местами парка, а рассматривать только мобильный вариант посетителя: вариант «человека гуляющего». Мы выделили несколько наиболее ярких перформативных сценариев, образующих ландшафт культурных презентаций в Царицыно; легко заметить, что, несмотря на отчетливость, эти сценарии могут многократно накладываться или пересекаться. Каждый из них может быть развернут в проекции на ряд значимых ценностей и норм, объединяющих условный «царицынский» тип и дающих ответ на вопрос о том, почему именно эти люди находятся именно в этом виде, в таком составе и в этом месте – что, разумеется, не мешает многим посетителям в следующий раз переиграть данный сценарий. Остановимся коротко лишь на трех типах «повседневной антропологии Царицыно», поддерживая таким образом и идею важ-

---

³⁴ “I assume that a loose speculative approach to a fundamental area of conduct is better than a rigorous blindness to it”. *Goffman* 1963. P. 4.

ности «китайской энциклопедии», и одновременно ее принципиальной незавершенности.

Как нам многократно пришлось убедиться в ходе исследования, прошлое в Царицыно далеко не всегда материализовано в объектах архитектуры. Эффектный случай «материализации» прошлого в особой группе, представителях другой публичной культуры, в пространстве царицынского парка являют собой «бабушки в шляпках». Шляпки – явление не сезонное, как это может показаться, а круглогодичное: летние шляпки из соломки или легких тканей, нередко украшенные искусственными цветами, в холодное время года сменяются более теплыми фетровыми. Шляпки к тому же не только шляпки – к ним прилагаются перчатки, пелерины, шали, и даже может прилагаться редкая в сегодняшнем обиходе вуаль. Для этой группы, возраст участниц которой может варьироваться больше, чем то позволяет определение «бабушка», главным принципом поведения становится демонстрация особого публичного дресс-кода, постепенно смягчающегося в современных городах. Весь облик «бабушки в шляпке» – напоминание о тех временах, когда выход на улицу требовал тщательной подготовки, делающей ощутимым различие между приватными и публичными пространствами, в том числе в техниках создания тела. Прямые спины, размеренный шаг, отсутствие суетливости в движениях, подчеркнутая любезность и внимательность «бабушек в шляпках» отсылают к традициям городской интеллигенции, а где-то в пределе – аристократии. Повышенный интерес к музейным объектам, проявляемый представительницами этой группы в соответствии с потребностью в подтверждении своего культурного статуса, делает их постоянными зрительницами всех ключевых мероприятий Царицыно, посетительницами концертов и выставок. В хорошую погоду «бабушек в шляпках» можно во множестве видеть на скамейках в центральной зоне парка, приближенной к музейному пространству: они задают ряд заметных норм коммуникации в этой зоне, несколько дисциплинируя пространство и, разумеется, украшая его.

Другую группу, тоже напрямую связанную с ярким дресс-кодом и подчеркнутой самопрезентацией, мы назвали «красотки на каблуках». В отличие от «бабушек в шляпках», вектор желаний этой группы устремлен в будущее: ее парадоксальное существование в холмистом ландшафтном парке, передвижение по которому затруднено также из-за фактуры дорожек и нередко по погодным условиям, более всего обусловлено практикой цифрового фотографирования. «Ареал распространения» «красо-

ток на каблуках» ограничен только перечнем «красивых видов». Одетых с иголки фотографирующихся барышень на шпильках можно встретить везде, где архитектура или ландшафт предоставляют возможность для эффектной позы; в поиске этих возможностей представительницы группы неутомимы: так чаще всего «отрабатывается» фотосессия, из которой затем буднично выбраны несколько фотографий. В то же время у посетительниц этого типа больше общего с «бабушками», чем они, может быть, желали бы признать. Восприятие публичного пространства как повода для «выставки достижений народного хозяйства», берущее начало в советском опыте, по-прежнему накладывает серьезный отпечаток на требования к женской одежде. В пространстве Царицыно нам довелось услышать как исчерпывающее антропологическое обоснование такого выбора от самой представительницы группы (молодой человек, повисшей на нем девушке: «Слушай, ну а чего ты не носишь кроссовки?»). Девушка, в ответ на это, сердито: «Носить кроссовки – себя не уважать»), так и понимающее сочувственное оправдание внешнего наблюдателя (мальчик, объясняя другу невозможность для их компании спуститься к озеру: «Мама туда сегодня не пойдет, она на каблуках, у нее ножки неустойчивые»).

Наконец, наиболее неожиданным типом посетителей, выделенным в ходе наблюдения, стали те, кого мы весьма условно назвали «прогуливающиеся мигранты»: присутствие их в парке было особенно заметно летом 2011 и весной 2012 года. Это небольшие группки молодых людей (как правило, от трех до пяти человек), одетых в спортивные костюмы, чинно прогуливающих по аллеям парка или лежащих на берегах прудов. Обыденная категоризация их внешнего вида и поведения позволяла описать их как гастарбайтеров. Помимо этого, они привлекали внимание своим намеренным желанием выглядеть «прилично», «соответствовать месту». Нарочито медленно идущие, иногда прячущие дешевый алкоголь (пиво или коктейли) под своими обширными олимпийками, перебрасывающиеся негромкими фразами, они старательно воспроизводили принятые в Царицыно типы поведения. Их чистые спортивные костюмы только что не были украшены наглаженными «стрелками» – типичными знаками выходной мужской одежды. Пребывание «прогуливающих мигрантов» в парке не вписывалось ни в один из массовых сценариев культурного или туристического времяпрепровождения – иногда в погожий день кто-то из них просто дремал на лужайке возле пруда, иногда кто-то пытался устроить несанкционированный пикник. Но, прогуливаясь по

парку, глаза на прохожих, переговариваясь друг с другом, они разделяли правила досуга в большом городе, заявляя о себе не только в привычной ипостаси работников, но как о новых горожанах, наравне с другими претендующих на использование открытых городских пространств.

«Наравне с другими» – употребление этого оборота применительно к гастарбайтерам, чаще всего вытесняемым из мест публичной коммуникации в невидимые маргинальные зоны, есть конечно очень большой аванс описанному нами городскому пространству. Но все же парк «Царицыно» на протяжении последних лет стал площадкой, на которой отрабатываются нормы поведения и коммуникации, «другого» и «других» как минимум предусматривающие. В этом пространстве множество людей научились быть с другими вместе. Много это или мало для постсоветского мегаполиса, уместно, наверное, обсуждать в ходе сравнительных исследований.

Библиография

1. *Абрамов Р.* Современный парковый комплекс как «машина досуга»: барьерные технологии в Царицыно // Царицыно: аттракцион с историей: колл. моногр. / отв. ред. Н. Самутина. М., 2013 (в печати).
2. *Абрамов Р., Фень Е.* Шахматисты на аллеях парка // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 226–240.
3. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. *Борхес Х.-Л.* Аналитический язык Джона Уилкинса // Борхес Х.-Л. Проза разных лет. Сборник. М.: Радуга, 1989.
5. *Дариева Ц.* Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променада истории // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 119–138.
6. *Кнабе Г.* Избранные труды. Теория и история культуры. СПб.: Летний сад, 2006. С. 1127.
7. *Николаев В.* Советская очередь: Прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 5 (43). С. 55–61.
8. *Нильсен Ф.* Глаз бури. СПб.: Алетейя, 2004.
9. *Осокина Е.* Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 5 (43). С. 48–54.

10. *Паченков О.* Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 419–439.
11. *Самутина Н., Комарова Н.* «Тонны воды летят по немислимым траекториям»: фонтан-аттракцион и новая образность парка Царицыно // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 207–225.
12. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан, 1993.
13. *Степанов Б., Хлевнюк Д.* Музей после истории: несколько веков и несколько лет из жизни усадьбы Царицыно // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 190–206.
14. *Трубина Е.* Город в теории. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
15. Царицыно: аттракцион с историей: колл. моногр. / отв. ред. Н. Самутина. М., 2013 (в печати).
16. *Amin A., Thrift N.* Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002.
17. *Auge M.* Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. L.: Verso, 1995.
18. *Blum A.* The Imaginative Structure of the City. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2003.
19. *Bushnell J.* Moscow Graffiti: Language and Subculture. Boston: Unwin Hyman, 1990.
20. *Conley J.* A Sociology of Traffic: Driving, Cycling, Walking // Technologies of Mobility in the Americas / P. Vannini, L. Budd, C. Fisker, P. Jirón, O. Jensen (eds.). Oxford & Bern: Peter Lang, 2012.
21. *De Certeau M.* The Practice of Everyday Life. Berkley: University of California Press, 1984.
22. *Goffman E.* Behavior in Public Places. Notes on the Social Organization of Gatherings. N. Y.: The Free Press, 1963.
23. *Haldrup M., Larsen J., Urry J., Baernholdt J.O.* Performing Tourist Places (New Directions in Tourism Analysis). L.: Ashgate, 2004.
24. *Low S., Talpin D., Scheld S.* Rethinking Urban Parks: Public Space and Cultural Diversity. Austin: University of Texas Press, 2005.
25. *Salvador A.C.* The Global Theme Park Industry. CABI Publishing, 2007.
26. *White W.H.* The Social Life of Small Urban Spaces. Washington: The Conservation Foundation, 1980.

27. *Zdravomyslova E.* Prerequisites of civil society in Soviet Russia: “Saigon” as public sphere. (http://cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_en_Zdravomyslova.pdf).
28. *Zukin S.* *The Cultures of Cities.* N. Y.: Wiley-Blackwell Publishing, 1996.

Препринт WP6/2012/06
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Самутина Наталья Владимировна, Запорожец Оксана Николаевна

**Свой среди других: антропология нормы
в пространстве царицынского парка**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,2
Усл. печ. л. 2,1. Заказ № . Изд. № 1537
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»